

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
И РИСКОВ*

А. В. Глухова, А. А. Романовский, Р. В. Савенков, О. А. Сиденко, В. В. Черникова, Д. В. Щеглова

Воронежский государственный университет

Д. С. Жуков, Д. Г. Сельцер

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

В. Ф. Пеньков

Тамбовский государственный технический университет

В. Б. Слатинов

Курский государственный университет

Поступила в редакцию 12 июля 2018 г.

Аннотация: в формате круглого стола представители Воронежского, Тамбовского, Курского государственных университетов, Тамбовского государственного технического университета обсудили потенциал адаптации, присущий региональным политическим системам, в контексте усложняющихся международных, межрегиональных и иных процессов, порождающих неопределенность и разнообразные риски, в том числе дестабилизирующего характера. Основной вывод авторов сводится к тому, что единственной приемлемой оперативной стратегией в таких условиях выступает стратегия коэволюции, когда политические акторы встраиваются в диверсифицированную, сложную, динамическую, инновационную техно-экосистему. Такие управленческие отношения представляют собой сложную адаптивную систему (CAS).

Ключевые слова: региональные политические системы, адаптационный потенциал, риск, неопределенность, Центральное Черноземье, сложная адаптивная система (CAS), агентное моделирование.

Abstract: the Roundtable dedicated to regional political systems opened a discussion about the adaptation potential in the context of increasingly complex international, interregional and other processes that generated uncertainty and various risks. There were represented experts from Voronezh, Tambov, Kursk State Universities and the Tambov State Technical University. The main conclusion of the authors is that the only acceptable operational strategy under such conditions was the strategy of co-evolution, when political actors are embedded in a diversified, complex, dynamic, innovative techno-ecosystem. Such managerial relations are a complex adaptive system (CAS).

Key words: regional political systems, adaptation potential, risk, uncertainty, Central Chernozemye, complex adaptive system (CAS), agent modeling.

Глухова А. В. Уважаемые коллеги, мы рады приветствовать вас в стенах Воронежского государственного университета в юбилейном для него 2018 г. Исследовательская группа кафедры в составе пяти человек представляет здесь проект «Адаптационный

потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)», поддержанный грантом РФФИ. Мы находимся в самом начале работы над этим грантом и хотели бы сегодня обсудить ключевые теоретико-методологические проблемы, касающиеся заявленной темы. Я благодарю коллег из Курского и Тамбовского госуниверситетов, а также Тамбовского технического университета за оперативный и положительный отклик на призыв принять участие в общем интересном разговоре. Уверена, что он окажется крайне полезным для решения интересующей нас научной задачи.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00806 на тему «Адаптационный потенциал региональных политических систем в условиях неопределенности и рисков (на примере областей Центрального Черноземья)».

© Глухова А. В., Романовский А. А., Савенков Р. В., Сиденко О. А., Черникова В. В., Щеглова Д. В., Жуков Д. С., Сельцер Д. Г., Пеньков В. Ф., Слатинов В. Б., 2018

Несколько слов об актуальности проекта. Мир конца XX – начала XXI в. переживает этап развития, который по своей значимости, возможно, превзойдет любой из масштабных и сложных трансформационных процессов прошлых эпох. Структурные и функциональные изменения охватывают экономику, политику, право, культуру, быт, международные отношения, причем не только на национальном, но и на региональном, и на локальном уровнях. Возрастающий объем различных воздействий на политическую систему, порождаемый изменениями, происходящими в сопредельных сферах, продуцирует риски, природа которых зачастую остается непонятной и бросает вызов политическому управлению, стабильному функционированию политической системы.

Отсюда актуальность темы заявленного исследования видится нам в следующем.

Во-первых, огромное практическое значение для построения стратегии развития страны и регионов РФ имеет вопрос о последствиях данных противоречивых процессов, специфике их проявления на региональном уровне и выработке рекомендаций по осуществлению превентивных мер в целях сохранения управляемости системы.

Во-вторых, в теоретической разработке нуждаются понятия «адаптационный потенциал», «региональная политическая система», «риск», «неопределенность» и ряд других.

В-третьих, в современных условиях конкретные экономические, экологические или управленческие риски входят в интерфейс с рисками социально-политическими. Интерференция рисков из разных локалов порождает эффект синтезированного типа. Отсюда необходимость их эмпирического исследования, использования методики моделирования и прогнозирования возможных вариантов развития и анализ их последствий.

В-четвертых, происходит трансформация публичной сферы политики. Политические партии все больше становятся электоральными машинами, «картельными партиями». Политические кампании усложняются с точки зрения организации и технологий, но при этом их ключевой посыл может оставаться неясным. Процесс управления тяготеет к модели «перманентной кампании» по аналогии с электоральным процессом. Избиратель гораздо более дифференцирован и менее склонен к восприятию унифицированных сообщений. В публичную политику все в большем количестве вовлекаются акторы, не имеющие отношения к системам управления. Кливажи множатся, а механизмы урегулирования конфликтов нередко обнаруживают свою слабость. Единственной приемлемой оперативной стратегией в условиях современного общества выступает коэволюция: политические акторы встраиваются в диверсифицирован-

ную, сложную, динамическую, инновационную техно-экосистему, в которой нет сторонних наблюдателей. Такая стратегия предполагает адаптивное обучение, что подразумевает постоянное экспериментирование с инновационными методами и организационными структурами.

В-пятых, видится крайне необходимым широкое публичное обсуждение указанных проблем с привлечением общественности, регионального экспертного сообщества и управленцев всех уровней. Ситуация такова, что для многих субъектов публичной сферы риски и кливажи остаются латентными, неосознанными, что является дополнительным препятствием в реализации стратегии коэволюции.

Целью проекта является выявление способности региональных политических систем Центрально-Черноземного региона адаптироваться в условиях растущей неопределенности и интерференции рисков, т. е. приспосабливаться к новым вызовам и угрозам посредством изменения своих компонентов под воздействием существенных трансформаций внешней (природной, экологической, технологической, международно-политической и иной) среды или внутренних импульсов с низовых уровней системы в ходе ее эволюции. Адаптационные способности низовых уровней системы благоприятствуют сохранению ее устойчивости и реализуются путем коррекции функций существующих институтов или посредством формирования новых политических институтов и структур. Прошу О. А. Сиденко представить теоретико-методологические контуры проекта.

Сиденко О. А. В условиях глокализации, текучей современности, трансформации систем управления, обусловленной спецификой пятого и шестого технологических укладов, происходит «пересборка» социального пространства на всех уровнях: локальном, региональном, национальном и глобальном. Эти процессы не просто амбивалентны¹, они пересекают-

¹ В частности, на глобальном уровне в качестве ключевых факторов одновременно выступают рост финансовой аристократии [1], социальной поляризации и эрозия социальной справедливости, с одной стороны, и попытки обеспечить основания для устойчивого развития (усилия ООН, рекомендации международных авторитетных структур в области публичного управления, успешный национальный опыт, распространяемый через бенчмаркинг и т. п.) – с другой. Национальные элиты могут действовать либо в логике «восстания элит» (концепция К. Лэша), либо, будучи удерживаемы институциональными соглашениями и давлением снизу, создавать условия для инклюзивного развития. Представляется, что действие трендов сверху вниз сильнее, нежели влияние накапливаемого опыта на нижестоящих уровнях порядка. Каждая сложная адаптивная система (Complex Adaptive System, CAS) воспринимает тренды, наряду с рефлексией динамики ресурсной базы и т. д., как средовую информацию и вырабатывает стратегию поведения, включая курс на то, чтобы покинуть локальную вершину адаптации (лаги принятия решений имеются и на

ся во множестве точек, формируя стохастическую систему (т. е. систему с множеством случайных связей). Единственной приемлемой оперативной стратегией в таких условиях выступает стратегия коэволюции: когда политические акторы встраиваются в диверсифицированную, сложную, динамическую, инновационную техно-экосистему, не ориентируясь на «третью сторону» / возможного «арбитра». Такие управленческие отношения представляют собой сложную адаптивную систему (термин Э. Острома).

Ряд авторов, в том числе Ф. Фукуяма, Д.С. Гревал и др., отмечают отставание политической сферы от процессов, протекающих в экономике, социальной и культурной подсистемах общества. По мере ускорения развития лаг возрастает, создавая угрозу и усиливая риски. Это диктует необходимость исследования адаптационного потенциала политий сквозь призму самоорганизации. Осевым процессом в самоорганизации является взаимодействие между постоянством и изменением, поскольку система сохраняет свою сущность в процессе самоиндуцированных нелинейных преобразований. Региональный уровень вызывает наибольший интерес: именно здесь происходит преломление мировых и национальных трендов, накопление как потенциала развития, так и рисков.

Вопрос изучения «сложности» (complexity) современных систем для политолога является нетривиальной задачей. В частности, необходимо понимать, что системы и среды связаны петлями нелинейных обратных связей. Это получило название «эффект эхо в эмерджентности» (Дж. Холланд) и «энактивности» (Ф. Варела, Э. Рош и Э. Томпсон). Публичное управление является по своей природе регулятором, что, с точки зрения системного подхода, означает, что субъект управления обладает отрицательной обратной связью, компенсирует внешние возмущения и выступает в качестве наблюдателя за работой системы. В сложных адаптивных системах регулятор «встроен» в саму систему, поэтому основополагающим является закон необходимого разнообразия, сформулированный У. Эшби: когда пропускная способность регулятора фиксирована, «он ставит абсолютный предел количеству регулирования (или управления), которое может осуществлять регулятор», независимо от того, как он может быть внутренне переустроен или как велики возможности системы [2, с. 346–347]. Таким образом, адекватное управление немислимо без соответствия степеней сложности систем управления и регулируемых сред. Множественные акторы, сотрудничая, конкурируя и вступая в конфликт, воспроизводят,

уровне отдельно взятых акторов, и на уровне институтов сложной адаптивной системы). Логика развития самой CAS как бы преломляется давлением внешних сред.

модифицируют, создают поведенческие образцы, влияющие на индивидуальные стратегии и изменяющие средовые параметры. Внимание неизбежно сосредоточивается на человеке в цикле адаптации, при этом важно помнить, что сама адаптация имеет системный характер.

Сложные адаптивные системы², как правило, являются подсистемами других, более крупных и комплексных, поэтому в анализе целесообразно:

– рассматривать архитектуру сложности: элементы могут характеризоваться более комплексными собственными режимами функционирования и развития;

– сравнивать временные и пространственные масштабы: системы могут быть связаны одновременно на разных уровнях и в разных временных масштабах;

– сравнивать векторы эволюции взаимосвязанных систем;

– помнить о том, что под покровом макростабильности сложные адаптивные системы генерируют флуктуации.

Необходимо различать то, что является адаптивным, т. е. обеспечивающим эффективное функционирование и развитие, и то, что стало результатом процесса адаптации (итогом вполне может стать плохое приспособление, подпитывающее «институциональную ловушку»). Выход из последней сопряжен с переходом конфликтов из латентной стадии в открытую, периодом дезорганизации и хаоса – неизбежным злом на пути к большей самоорганизации. Элиты – ключевые субъекты публичного поля – либо принимают соответствующие риски, либо обрекают социум на стагнацию. Отягчающими факторами выступают поляризация, фрагментация, капсулирование позиций в рамках «кластеров», масштабное распространение рентоориентированного поведения и манипуляций, ручное управление и тотальная бюрократизация. В утративших гибкость автократиях механизмы адаптации смещаются в плоскость неформальных отношений. Это, среди прочего, сужает возможности для контроля ключевых параметров в отношении группы бифуркаций, получившей название каспарных катастроф: асимметрии и контроля бифуркации (от их взаимодействия зависит характер перемен – постепенный или же прерывистый), т. е. вероятность потрясений выше и предсказать их сложнее.

Ключевой проблемой в адаптации является поощрение самоорганизации при выстраивании коор-

² Концепт сложных адаптивных систем используется как теоретико-методологическая основа рассмотрения проблем адаптации. С точки зрения социально-политического анализа в качестве таковых целесообразно рассматривать партийную систему, систему межсекторного партнерства, публичную политику и систему публичного управления, сообщество элит.

динационных механизмов (общее сотрудничество, как правило, неустойчиво, когда размер группы превышает критический порог, что преодолимо посредством «карманов сотрудничества», которые могут распространиться по всей системе). Успех процесса во многом зависит от степени равновесия потоков информации, от того, в какой мере обеспечиваются распределенный контроль и открытый доступ к ресурсам при четкости и динамической стабильности правил игры.

Устойчивая сложная адаптивная система представляет собой баланс власти и ответственности, обеспечивающий минимизацию издержек обмена, в рамках достигнутой вершины ландшафта адаптации. Концепция пригодности ландшафтов активно использовалась для анализа адаптации и коэволюции сложных адаптивных систем в 1980–1990-х гг. (М. Гель-Манн, С. А. Кауффман, С. Райт и др.). Актор позиционировался как движущаяся точка на воображаемой топографической карте. Достижение оптимальной пригодности (занятие вершины) предполагало извлечение максимальной выгоды в рамках ограниченного контекста. Подчеркивалось, что пути и препятствия, мешающие оптимизации, у разных сложных адаптивных систем не совпадают. Кроме того, успех никому не гарантирован, и все же риски провалов адаптации лучше принять. В противном случае «система рискует застрять на локальном максимуме или же вовсе уйти в политическое небытие» [3, p. 57].

В практически ориентированном анализе необходимо выявлять условия и факторы, способствующие «блокированию» актора на локальном пике адаптации, таким образом, что более высокие уровни перестают быть доступными (например, «блокирование» действий федеральными трендами развития, которые могут противоречить глобальным). Актор может не видеть возможностей, не верить в успех, оценивать издержки выхода за пределы привычных рутин как чрезмерно высокие и т. д.

Важно, чтобы меры, направленные на адаптацию, были в логике ключевых трендов более высокого уровня, в противном случае они окажутся впустую потраченными усилиями. Играет роль и фактор уровня шума. «Шумная среда не только усложняет системе задачу отделения полезной информации от случайных сигналов, но также может нарушить работу по фокусированию внимания и эффективному реагированию на любой конкретный вызов» [Ibid.].

Рассматривая политику в качестве сложной адаптивной системы, можно выделить два идеальных типа вершин: 1) дизайн, обеспечивающий интересы общества элит; 2) дизайн, обеспечивающий эффективное достижение социальных целей (экономический рост, качество жизни, уровень человеческого

капитала) и защиту прав и свобод. Необходимо отметить, что только второй вариант обеспечивает эффективное вхождение в глобальное пространство, другая опция чревата масштабным расхищением национального богатства. Социальные реалии постсоветской России, которые можно описать, используя концепты социума клик (А. Д. Хлопин) или же порядка ограниченного доступа (Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст), выступают основанием для дизайна, гарантирующего интересы властвующей элит. Федеральные тренды, как и глобальные, противоречивы: с одной стороны, процессы, связанные с развитием, с другой – попытки сохранить status quo при накоплении управленческих ошибок и деградации систем жизнеобеспечения. Существует и еще одна очень серьезная проблема: технократическая автократия скорее тяготеет к «институциональной ловушке», нежели обеспечивает переход ко второму типу вершины адаптации. Не получая подпитку за счет широких внешних контактов, данная модель также обречена на стагнацию.

Мерой адаптивности принято считать то, насколько хорошо система может функционировать в изменяющихся условиях с минимальными изменениями ее структуры. Таким образом, параметры, характеризующие эффекты деятельности системы, а также характер инноваций в ней являются ключевыми.

Потенциал адаптации политики целесообразно оценивать исходя из достигнутого ею пика ландшафта адаптации посредством измерения гибкости институциональной подсистемы, потенциала институционального предпринимательства и институциональной работы [4, с. 155–159] у субъектов политики, включая активные группы населения. Также важно отслеживать:

– накопление капитала (физического, финансового, социального, морального, символического, сетевого) и создание институциональных условий для его конвертации в политический в рамках формальных институтов и гетерархий;

– возможности политики обеспечивать минимальный уровень издержек обмена, осуществлять ресурсозвлекание, не сужая возможностей развития регулируемых систем, в том числе посредством краудсорсинга, ноосорсинга и краудфандинга, делегировать власть и ответственность социальным акторам, обеспечивать результативность и эффективность процесса принятия решений.

В качестве аналитических методов и приемов в исследовании сложных адаптивных систем используются теория игр, лонгитюдные исследования, компьютерное моделирование или численный эксперимент, динамическое и стохастическое программирование, модифицированный метод экспертных оценок (в режиме дискуссий выявляется скорее рас-

пределение вероятностей, а не точечные оценки; процесс документируется и в этом плане напоминает эксперимент).

Щеглова Д. В. Моделирование сложной адаптивной системы (от англ. CAS, complex adaptive system) можно произвести несколькими способами. Самыми частыми способами моделирования в обществоведческих науках являются агентное моделирование и системная динамика (agent base modeling и system dynamics).

Любая модель предполагает аппроксимацию, т. е. упрощение реальных отношений до логических алгоритмов. Задача моделирования заключается не в описании максимально большого количества акторов и их взаимодействий, а в обнаружении новых зависимостей и правил поведения, которые сложно обнаружить путем простой экспертной оценки.

Агентное моделирование (agent-based model (ABM)) – метод имитационного моделирования, исследующий поведение децентрализованных агентов и то, как такое поведение определяет поведение всей системы в целом. Суть агентного моделирования в том, что оно сосредоточено на индивидуальных участниках системы, но не описывает мотивы, когнитивную и иную социально-психологическую составляющую, а отражает, в основном, поведение и его влияние на качества и характеристики системы в целом. Это отличает ее от более абстрактного метода системной динамики и дискретно-событийного метода, ориентированного на процессы. В методе агентного моделирования в первую очередь определяются параметры активных агентов и правило их поведения. В виде агентов в нашем случае могут выступать участники политического процесса. После фиксации характеристик агентов устанавливаются связи между ними (экспертным мнением исследователя на основе проведенного анализа вторичной информации). Это некий «протокол коммуникации» и логика их представлений о «правилах игры», которые соблюдают другие агенты. После этого задаются параметры окружающей среды: ее характеристики и правила реагирования на действия акторов (например, нарушение закона – арест, участие в протестной акции – задержание). Это могут быть как нормативные правила, так и те алгоритмы, которые укажет исследователь (например, принятие решений с использованием неформальных практик). Индивидуальные действия каждого из агентов образуют глобальное поведение моделируемой системы [5].

Системная динамика (system dynamics) предполагает создание имитационной модели социальной реальности в ее динамике, когда параметры системы и среды меняются во времени. Такое моделирование может помочь эксперту установить причинно-следственные отношения и контуры обратной связи. Та-

ким образом, для моделирования CAS важно, что при помощи системной динамики возможна технология проведения сценарного исследования на имитационной модели. Такая модель детализирует проблему, осуществляет генерацию альтернатив и сценариев, постановку направленного вычислительного эксперимента на имитационной модели, выбор и ранжирование критериев, а также анализ и интерпретацию результатов сценарных расчетов, что позволяет учитывать субъективные предпочтения эксперта и его опыт в процессе принятия решения. Компьютер только упрощает, помогает эксперту в выработке решения, но не заменяет его опыт и знания [6].

Ранее было сказано, что в сложных системах воздействие и следующая за ним реакция (обратная связь) не обязательно близки в пространственном и временном положении (нелинейная обратная связь). Поэтому важно различать краткосрочные и долгосрочные эффекты изменения параметров модели (например, «правил игры»), причем последние могут оказаться полностью противоположны первым. Структурными элементами в системном моделировании являются положительные и отрицательные обратные связи. Положительная обратная связь – это такой тип обратной связи, при котором изменение динамической переменной в момент времени приводит к такому изменению той же переменной в следующий момент, которое способствует ее дальнейшему отклонению от первоначального значения. Проще говоря, при положительной обратной связи мы наблюдаем рост или снижение одного и того же показателя во времени. Положительные петли обратной связи порождают изменение с ускорением (т. е. в каждую единицу времени показатель меняется все больше и больше), поэтому системы, где положительные обратные связи господствуют, относятся к неустойчивым.

Отрицательная обратная связь – тип обратной связи, при котором происходит изменение динамической переменной, которое препятствует ее дальнейшему отклонению от первоначального значения. При отрицательной обратной связи мы можем наблюдать как рост, так и снижение показателя во времени. Отрицательные петли обратной связи порождают изменение с замедлением, в пределе – отсутствие изменений. Поэтому системы, где отрицательные обратные связи господствуют, устойчивы. Обеспечение устойчивости системы – главная функция государственного управления, поэтому отрицательные обратные связи играют ключевую роль в управлении.

Ниже представлен алгоритм исследования процесса адаптации региональной политической системы, который выступит базой для создания модели.

1. Описание характеристик глобальной вершины адаптации политической системы региона.

2. Формулировка макрофакторов, влияющих на функционирование региональной политической системы.

3. Содержание федеральных трендов как факторов CAS, т. е. региональной политической системы: партийная система; система межсекторного партнерства; публичная политика (информационные потоки, повестка дня и т. д.); система публичного управления и в ее рамках институты прямой демократии и политического участия; сообщество элит.

4. Окно возможностей региональной политической системы.

5. Характеристики круга ключевых акторов: их статусы и роли, включая обязательства и зоны ответственности; поведенческие модели (следование неформальным правилам, интересы и стратегии, отношение к режиму и институциональному дизайну (региональному и федеральному); потенциал институционального предпринимательства; ресурсное обеспечение, включая политический, сетевой капитал; социальная и политическая активность населения; экспертные сети, их характер, конфигурация, отношение к режиму; восприятие угроз и рисков.

6. Разработка моделей и маршрута адаптации. Определение путей препятствий адаптации для CAS.

7. Анализ политической коммуникации и информационных потоков, выявление уровня «шума» с учетом глобальных тенденций.

8. Определение параметров модели для компьютерной симуляции. Разработка инструментария для сбора первичной информации об акторах.

В результате моделирования мы должны получить понимание того, какой тип адаптации выбран каждой из исследуемых CAS и каковы основные точки эмерджентности.

В целом вся совокупность адаптивных стратегий и вариаций политической адаптивности подразделяется на три основных типа: а) уступчивая адаптация, когда политическая система пассивно приспосабливается к требованиям внешней среды, зачастую игнорируя внутренние запросы; б) неуступчивая адаптация, при которой политическая система пытается отвергнуть вызовы, исходящие от внешней среды, или минимизировать их значение; в) предохранительная адаптация, когда соблюдается некий баланс внутрисистемных требований и запросов внешней среды для перераспределения ресурсов с запросов внешней среды на внутрисистемные требования, и наоборот.

Выбор конкретной адаптивной стратегии, как и сама возможность осуществления подобного выбора, зависит от целого ряда внешних и внутренних факторов, например типа политического режима. Так, в рамках авторитарных политических систем вполне возможно игнорирование внутрисистемных требований за счет механизмов массовой мобилизации и

идеологической индоктринации. Но утрата способности общественных систем к адаптации ведет к ее постепенной деградации или к быстрому разрушению (главным образом, за счет поражения извне) [7, с. 34–45]. И это не единственные риски, характерные для такого типа систем.

Глухова А. В. Важное место в исследовании адаптационного потенциала занимают политические риски. Термин «риск» имеет длительную историю, однако до XVII в. не существовало общего понятия для обозначения этого явления. Напротив, в современном мире, по мнению Э. Гидденса, это понятие становится ключевым [8]. К 1960-м гг. сформировалась общенаучная трактовка этого понятия как образа действия в неясной, неопределенной обстановке. Подобное определение риска характерно для его изучения в рамках психологического подхода. Краткий психологический словарь определяет риск как ситуативную характеристику деятельности, состоящую в неопределенности ее исхода и возможных неблагоприятных последствий в случае неуспеха. Психологическая трактовка как определенной формы деятельности вводит в определение риска категорию выбора и его альтернативности, определяя риск как «вероятность ошибки или успеха того или иного выбора в ситуации с несколькими альтернативами». Схожее определение риска звучит и у многих других авторов, определяющих риск-деятельность как действия, связанные с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которого имеется возможность количественно и качественно оценить достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели.

Заметное место понятие «риск» занимает в современной экономической теории. Различают три типа рисков: позитивные риски; негативные риски; нейтральные риски. Такая трактовка рисков связана в первую очередь с именем американского экономиста Фрэнка Х. Найта, который дополнил теорию совершенной конкуренции понятием неопределенности. В своей монографии «Риск, неопределенность и прибыль» Найт описывает особый род риска – нестрахуемой неопределенности, который и играет решающую роль в возникновении феномена предпринимательской прибыли. Автор указывает на основные источники такой неопределенности: экономическое развитие и неустраняемые различия в деловых способностях людей. Риск в предпринимательской деятельности имеет самостоятельное теоретическое и прикладное значение как важная составляющая теории и практики управления. Категория риска входит в понятийный аппарат теорий международного бизнеса и страхования, банковского дела и гражданского права. Риск является составным элементом любой управленческой деятельности.

Риск также с полным правом является понятием социальной и политической теории. Английский социолог Э. Гидденс и немецкий социолог У. Бек первыми обратили внимание на социальное, общечеловеческое значение данного явления. Их работы, посвященные этому вопросу, по праву считаются основополагающими [9]. Развитие рискологии многие исследователи связывают с феноменом возрастающей значимости политических решений, способных существенным образом влиять на сложившийся социальный и политический порядок. Э. Гидденс, как и У. Бек, отмечает увеличение числа непреднамеренных последствий социальных действий. Всякое действие рискогенно. Пассивность, бездействие или решение об отказе осуществлять действие также является социальным «действием», которое может быть рискогенно.

Согласно Э. Гидденсу, понятие «риск» тесно переплетено с доверием. Социальное действие возникает в результате принятия решения, которое основывается на доверии к социальной системе. В противном случае отсутствие предсказуемости действий и отсутствие доверия разрушает основу для социального взаимодействия. Не только общество само по себе рискогенно, но и сам риск создает свои среды, воздействующие на огромные массы людей. Э. Гидденс отмечает усиление интенсивности рисков, их глобализацию в смысле распространения случайных событий, которые воздействуют на большое количество людей; происхождение риска из социализированной среды; развитие институционально признанной рискогенной среды, затрагивающей интересы миллионов людей; отсутствие знания о риске не может быть конвертировано в «определенность» религиозным или магическим знанием и т. д. Автор отмечает, что знание о риске широко распределено: многие из опасностей известны самой разной публике. Вместе с тем признается ограниченность экспертного знания: ни одна экспертная система не может полностью предсказать возможные последствия рисков. Политики часто скрывают от рядовых граждан истинную природу риска и даже его существование. Ситуация становится много опаснее, если эксперты не в состоянии осознать и оценить степень риска. В этом случае сама идея экспертизы подвергается глубокому сомнению.

В качестве примера гипотетических рисков для региональных политических систем могут называть некоторые из них, в частности:

- вертикаль власти как принудительный интегратор, сдерживающий самоорганизацию региональных сообществ;
- ментальность правящей элиты, ориентированной на то, чтобы «держать и не пущать» в целях предотвращения дестабилизации;
- отставание политики от общественных запросов;

- глухота власти к требованиям перемен;
- сокращение финансовой поддержки регионам из центра;
- принятие непопулярных решений (повышение пенсионного возраста; фискальной нагрузки на бизнес и т. д.), способных вызвать протесты различных социальных групп;
- исключительная ответственность за урегулирование возможных конфликтов, полностью возложенная на региональные власти.

Савенков Р. В. Предметом нашего анализа является реакция властей на проявления коллективных протестных действий жителей Центрально-Черноземного региона. В Центрально-Черноземный регион (далее – ЦЧР) традиционно включают Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую и Тамбовскую области. Основным источником эмпирических данных являются публикации региональных СМИ, сайты организаторов протестных действий.

Специалисты российских аналитических центров систематизировали ответные действия властей на протесты в России в 2016–2018 гг. Например, Фонд «Петербургская политика» выделил следующие варианты поведения властей: игнорирование; камуфлирование; стимулирование раскола или клонирование протеста; коммуникация с протестующими; мобилизация сторонников; солидаризация с протестующими; удовлетворение требований.

Наиболее освещаемыми в региональных СМИ стали общероссийские протестные акции дальнобойщиков против введения системы оплаты «Платон» (ноябрь 2015 г. и март 2017 г.) и акции штабов А. Навального с политическими требованиями (26 марта 2017 г., 12 июня 2017 г., 7 октября 2017 г., 28 января 2018 г. и 5 мая 2018 г.). Одновременно в регионах ЦЧР проходили локальные протестные акции, которые ни тематически, ни организационно не соприкасались с федеральными протестами. Зафиксированы существенные отличия реакции властей на федеральные и локальные протестные действия.

Первые акции дальнобойщиков в ноябре 2015 г. прошли во всех регионах ЦЧР без какого-либо противодействия властей. И федеральные, и региональные власти вступили в переговоры с протестующими. Губернатор Белгородской области Е. Савченко 19 ноября 2015 г. встретился с несколькими представителями оргкомитета дальнобойщиков, после чего обратился в Минтранс с просьбой установить переходный период для налаживания полноценной работы системы «Платон». В других регионах с протестующими дальнобойщиками встречались представители администраций, искали варианты разрешения конфликтного противоречия. Единый коммуникационный порыв региональных властей позволяет предположить поступление «команды сверху» на начало

переговоров и учет требований протестующих. Итогом переговоров с федеральными властями стала временная уступка: снижение стоимости за 1 км с 3,73 до 1,53 руб. до апреля 2017 г. С апреля 2017 г. тариф составил 1,9 руб./км.

В марте 2017 г., накануне повышения тарифа, протестные акции дальнбойщиков имели уже не стихийный характер, а прошли в рамках Всероссийской акции протеста дальнбойщиков (25 марта 2017 г.), организованной Объединением перевозчиков России. Региональные и федеральные власти готовились к будущему протесту, и модель их поведения изменилась. Во-первых, в региональных СМИ проходило камуфлирование протестных акций: информация о ходе акций, количестве участников практически нигде не зафиксирована. Кроме того, интерес СМИ к акции дальнбойщиков был естественным образом подорван неожиданно проведенной многочисленной антикоррупционной акцией А. Навального. Во-вторых, начались публичные обвинения участников протеста в защите исключительно своих корпоративных интересов и попирании общественного блага, отказ платить за разрушение большегрузными автомобилями федеральных дорог. В СМИ Белгородской области подчеркивалось, что в акции участвуют только частные перевозчики. В-третьих, в СМИ озвучены случаи кратковременных задержаний активистов акции по вопросам, не связанным с протестными действиями (Липецкая область). Общей тактикой региональных и федеральных (МВД) властей стала организация дорожных работ в местах сбора протестующих, что давало основания полиции требовать завершения протестных акций (Воронеж, Липецк). Публичные заявления протестующих дальнбойщиков поддержали депутаты от КПРФ всех региональных парламентов и ЛДПР (Курск) как в 2015 г., так и в 2017 г.

Итак, в отношении протестующих дальнбойщиков власти применяли следующие стратегии поведения: коммуникация, переговоры и уступки – на первом этапе (ноябрь 2015 г.) и камуфлирование, информационное игнорирование, силовое правовое воздействие на участников, обвинения в адрес активных участников протеста в защиту интересов необщественных сил – на втором этапе (март 2017 г.). Готовность власти к протестам второго этапа позволила предотвратить создание протестующими каких-либо проблем функционированию федеральных трасс, снизить масштаб информационного освещения. Протестующие же не смогли внятно расширить проблематику, вовлечь в протест иные социальные группы.

Сеть штабов А. Навального в ЦЧР участвовала в проведении пяти всероссийских акций, а во второй половине 2017 г. пыталась организовать локальные акции в поддержку выдвижения А. Навального кан-

дидатом в президенты России. Наблюдения позволяют выделить следующие варианты реакции властей на протестную активность. Во-первых, произошло ужесточение правовой ответственности за нарушение федерального законодательства о проведении публичных мероприятий. В регионах представители правоохранительных органов оказывали силовое воздействие, которое было при этом в рамках действующего законодательства: проводили обыски в штабах, задержания активистов движения, неформальные беседы, изъятие агитационных материалов в рамках мероприятий по профилактике экстремизма, противодействия торговле наркотиками. Формально власти действовали в рамках своих полномочий и не предъявляли участникам движения политических обвинений. Центральная линия региональных СМИ – игнорировать мероприятия А. Навального, не давать ему повод стать героем новостных лент. Муниципальные власти не согласовывали проведение протестных акций в гайд-парках центров городов, предлагая альтернативные площадки на окраинах.

Самым активным организатором региональных протестных акций в ЦЧР стали отделения КПРФ. Местные коммунисты присоединялись к Всероссийским протестным акциям против антисоциальной политики властей, против роста тарифов, протестной акции «За социальную справедливость». Пикеты от КПРФ проводятся против роста цен на топливо, в защиту детей и т. п. Протестные мероприятия, как правило, подробно освещались лишь на партийных сайтах региональных отделений. Наиболее активно вели себя липецкие коммунисты, у которых традиционные для КПРФ лозунги были объединены с требованием отставки губернатора О. Королева (в должности с 1998 г.). Местные депутаты от КПРФ попали в новостные ленты, когда 23 марта 2018 г. провели несанкционированный пикет против грязных выборов, за что им были выписаны протоколы об административных правонарушениях и штраф в размере 10 тыс. руб.

Как правило, региональные власти не препятствовали коллективным действиям КПРФ, так как не опасались ни масштабной мобилизации, ни провокаций. Напряженные отношения КПРФ с губернатором О. Королевым в Липецке привели к росту митинговой активности Национально-освободительного движения, которое проводило свои пикеты одновременно с коммунистами в прямой видимости. Это косвенно указывает на использование липецкими региональными властями тактики клонирования протеста.

Протестные акции в Белгородской и Воронежской областях вызвала оптимизация региональными властями учреждений здравоохранения. Власти шли на переговоры с протестующими и удовлетворяли боль-

шинство их требований. Протестам по экологическим темам власти старались не препятствовать, а, напротив, удовлетворять законные требования граждан. Ярким примером «чуткости» властей стали акции протеста в с. Гвазда Воронежской области против строительства мусороперерабатывающего завода. Губернатор Воронежской области А. Гордеев публично высказывался с критикой местных властей и руководства предприятий, которые не слышат недовольства граждан по поводу экологических проблем (протесты в Гвазде, Семилуках и Новохоперске).

Итак, региональные и муниципальные власти в ЦЧР активно реагировали на попытки проведения «несистемными» политическими силами всероссийских протестных акций на своих территориях. По формально законным поводам протестующим дальнбойщикам мешали собираться, не согласовывали акции А. Навального в центральных местах городов. В межакционный период правоохранительные органы проводили «незаметные» для СМИ профилактические мероприятия, которые «вымывали» из движения законопослушных граждан.

Власти не препятствовали проведению протестных акций региональными отделениями КППРФ. В свою очередь, КППРФ объектом критики делала экономические действия правительства или местных чиновников, отказываясь от выдвижения проблем политического переустройства и проведения несанкционированных действий. В случае возникновения локальных протестов региональные власти, как правило, перекладывали ответственность на муниципальный уровень или руководителя конкретного исполнительного органа государственной власти, стараясь оградить главу администрации субъекта РФ. Муниципальные власти обязывались обеспечивать постоянный диалог с населением и предупреждать протестные коллективные действия, идти на уступки. Такая тактика позволяет избежать организационного объединения участников федеральных и локальных протестов.

Черникова В. В. Как уже говорилось, анализ базовых параметров стабильности и правил трансформации политических систем включает основные акторы, их структуру, связи, возможности влияния на других участников и среду, их роль в самой системе. Хочу кратко остановиться на некоммерческих организациях (далее – НКО), учитывая, что они могут как создавать важный продукт, улучшая среду, решая актуальные задачи, так и вызывать дестабилизацию, создавая угрозы в случае сознательного нагнетания обстановки, используя нелегитимные методы отстаивания своих интересов.

НКО как один из акторов региональных политических систем должны соответствовать некоторым условиям, в частности, иметь автономный характер,

наличие собственных целей, возможность адаптироваться к изменениям условий среды. Изучение НКО осложняется тем, что ряд организаций были созданы для конкретных целей, зачастую ради получения гранта коммерческими структурами. Длительность жизни таких НКО, их автономность и возможности ограничены интересами учредителя. Это может сказываться на их учете, что видно из анализа разницы данных по учету НКО различными ведомствами. По данным Воронежстата, в 2017 г. было зарегистрировано 8373 НКО на территории области [10]. В то же время на портале «Госуслуги» значится цифра в 2679 [11]. НКО, включенных в социально-политический процесс, существенно меньше. Ресурсный центр НКО на своем сайте разместил справочник НКО, в котором всего 139 организаций, предоставивших информации о себе.

Значимой площадкой для НКО в нашем регионе выступает Большой Совет НКО, созданный в 2013 г. по инициативе губернатора А. Гордеева. Его участниками являются более 400 организаций, инициативных групп и гражданских активистов. Логично считать, что это наиболее активные НКО, представленные в регионе. Однако стоит отметить, что есть оппозиционные организации, которые не проявляют заинтересованности во взаимодействии с официально зарегистрированными структурами, но их активность заметна на региональном уровне.

Оценка результативности НКО возможна по различным критериям. Значимым представляется включение их в систему коммуникаций «общество – власть», выявление возможностей влияния (с целью решения проблем собственных членов и общества в целом), ресурсов, которые может привлечь организация, что важно для выработки модели адаптации региональной политической системы.

Исходя из целей и действий, можно выделить несколько групп НКО:

- оппозиционные, которые не включаются в процесс конструктивного взаимодействия с властью, предпочитая отстаивать свои интересы исключительно в противостоянии;
- сотрудничающие – те, которые видят решение своих проблем через взаимодействие с властью, механизм лоббирования;
- сетевые (виртуальные), которые могут быть не оформлены в качестве НКО, формируются в интернет-пространстве, но не ограничиваются им, ориентированы на решение проблем через интернет-каналы коммуникации;
- самоориентированные, которые узкоспециализированы и видят мало точек соприкосновения с аналогичными НКО, вступают во взаимодействие исключительно по вопросам, соответствующим собственным целям.

Эксперты используют различные методики анализа деятельности НКО, их влияния на власть. Предлагаются две характеристики деятельности НКО: показатели их собственной активности и характеристики результативности предпринятых усилий во взаимодействии с властью. Наиболее значимы параметры, являющиеся «показателями деятельности, направленной на построение взаимодействия с органами государственного управления, выстраивание диалога с властью, решение проблем своей целевой аудитории (членов, благополучателей): информационная активность организации в региональном и общероссийском медиапространстве; использование каналов письменной коммуникации во взаимодействии с властными структурами; инициирование и проведение общероссийских, межрегиональных, областных и городских мероприятий; участие в различного рода мероприятиях, проводимых другими субъектами (другими НКО, органами государственного управления, СМИ и т. п.); участие в работе структур, созданных органами государственного управления (Общественные советы, согласительные комиссии и т. п.)» [12, с. 140].

Все эти параметры можно выделить и посчитать, но в ряде случаев формальное участие в работе Советов не может трансформировать накопленный таким образом социальный капитал в реальные возможности оказания влияния. В некоторых Советах нет представителей НКО (например, в Координационном совете по стратегическому развитию городского округа город Воронеж). Однако анализ организаций, работающих в Общественных и Консультативных советах при органах власти, представляет интерес. В регионе действует значительное число Общественных советов по разным направлениям. Так, при администрации городского округа город Воронеж действует 20 советов.

Ресурсный потенциал НКО можно оценить при рассмотрении полученных грантов. Грантовая активность приводит к формированию конкурентной среды. Ситуация такова, что федеральные структуры поддерживают наиболее актуальные проекты, усиливая возможности региональных НКО влиять на создание среды (примером может служить возрастающее число Президентских грантов, выигранных воронежскими НКО). В то же время видна и заинтересованность региональной власти в привлечении дополнительных ресурсов, что приводит к развитию поддержки гражданского общества.

Анализ деятельности НКО в Воронежской области показал, что выбор ключевых параметров оценки возможностей некоммерческого сектора включает широкий набор показателей. В настоящее время есть проблемы с учетом некоммерческих организаций, что обусловлено рядом причин: не во-

ремя подается отчетность, ряд НКО существуют только на бумаге, некоторые из них, решая собственные задачи, не участвуют в производстве социальных благ, не включаются в жизнь региона и т. д.

В последние годы происходит активизация гражданского общества, что заметно как по количеству акций, выигранных грантов, числу волонтеров, так и по возрастанию роли НКО в региональных процессах. Появляются новые коммуникативные площадки, такие как Большой Совет НКО, Ресурсный центр, совершенствуется работа Дом прав человека. В то же время сообщество НКО остается фрагментированным, деятельность ряда организаций носит имитационный характер. Среди организаций много гибридных или неформальных (сетевых) объединений.

Жуков Д. С. Один из вопросов круглого стола – ригидность институтов в условиях быстро изменяющихся сред – долгое время находится в сфере внимания коллектива Центра фрактального моделирования в Тамбовском государственном университете (ineternum.ru). Работая с различными компьютерными моделями институциональных трансформаций, мы исследуем этот вопрос в теоретическом ключе. Эксперименты с виртуальными копиями социальных объектов позволяют сформулировать весьма продуктивные интерпретации. Одна из таких моделей – модель Снеппена, эвристические возможности которой рассмотрены нами при поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-06-00082а «Применение теории самоорганизованной критичности для изучения и моделирования социальных систем и исторических процессов».

Распространение естественно-научной теории самоорганизованной критичности (далее – СОК) в социально-гуманитарных дисциплинах привело к заимствованию и ряда имитационных самоорганизованно-критических моделей (СК-моделей). Такие модели призваны воспроизводить в виртуальной среде основные закономерности и механизмы, которые ответственны за возникновение СОК в реальных системах. В этом смысле моделирование представляет собой компьютерное экспериментирование с целью приращения теоретического знания, которое нуждается в дальнейшем сопоставлении с эмпирикой.

В рамках институционализма одна из наиболее дискуссионных – и в то же время наиболее продуктивных – исследовательских проблем сводится к объяснению способности институтов демонстрировать (порой с весьма небольшими временными промежутками) ригидность/инертность и реактивность. Модель Снеппена – как и многие СК-модели – позволяет предложить некоторые гипотезы относительно того, как два диаметрально противоположных типа поведения могут сочетаться в одной системе и иметь, в сущности, одинаковые причины. Полагаем, что

среди прочих СК-моделей модель Снеппена наиболее удобна именно для имитации переходов и непере-ходов от одних коллективных представлений к другим в среде, стимулирующей новации.

Изначально модель создавалась для воспроизведе-ния в вычислительных экспериментах некоего класса физических процессов: например, осаждения частиц вещества на поверхность из раствора (физи-ческое название модели – «модель освобождения поверхности»). Как оказалось, модель демонстрирует некоторые универсальные закономерности, свой-ственные самоорганизованно-критическим системам. Поскольку таковых систем в природе и обществе было обнаружено большое количество, то и модели, которые их описывают, были перенесены на иные предметы – порой весьма далекие от изначальных.

Основные эффекты, возникающие в вычислитель-ных экспериментах с моделью Снеппена, соответ-ствуют ключевым представлениям теории СОК.

Состояние критичности может возникнуть в многокомпонентных целостных системах, отдельные элементы которых связаны друг с другом, в том числе причинно-следственными петлями. Это условие выполняется для большинства институтов, «тело» которых составляет множество людей, коммуници-рующих по поводу существующих норм и практик.

Критичность подразумевает, что любое событие, произошедшее в системе – даже незначительное и локальное, – может оказать влияние – в том числе катастрофическое – на всю систему. В состоянии критичности множество событий инициируют боль-шое количество причинно-следственных цепочек, которые затухают недостаточно быстро. Иногда это приводит к взаимному усилению различных след-ствий, иногда – к компенсации и ослаблению. Основ-ные параметры системы поэтому колеблются в режи-ме розового шума. Розовый шум представляет собой волну, по которой идет рябь – волна меньшего мас-штаба, – а по этой ряби идет еще меньшая рябь и т. д. Это означает, что трансформационные события в системе имеют разные размеры – от самых незначи-тельных до глобальных.

Самоорганизованно-критические системы (да-лее – СК-системы) склонны к возникновению лавин, когда ключевые параметры устремляются в бесконеч-ность. В приложении к институтам это означает скоротечную деструкцию, в ходе которой акторы отказываются не от части, а от всех норм и практик, составляющих институт. Подобные лавины возника-ют как следствие огромного множества ординарных – порой, повседневных – причин. Поэтому приближе-ние лавин остается малозаметным для внешних на-блюдателей, которые ожидают увидеть «большие экстраординарные причины» для «больших экстра-ординарных следствий». Теория СОК показывает, что

масштабные изменения могут происходить как бы «на пустом месте», т. е. на самом деле в результате комплекса локальных слабых воздействий.

Несмотря на высокую вероятность лавин, СК-системы способны относительно долго пребывать в динамическом равновесии. Это состояние суще-ственно отличается от классической стабильности, ведь внутри СК-системы постоянно идут процессы разбалансировки. Известно, что такое динамическое равновесие возникает в результате сопряжения двух типов процессов – накопления напряжения и релак-сации (сброса напряжения).

Развитие институтов в состоянии СОК, таким образом, характеризуется периодами институцио-нального застоя, которые чередуются с изменениями разного масштаба.

Сельцер Д. Г. Реалии российской политики де-монстрируют высокие адаптационные способности регионов к действиям федерального центра. Вместе с тем эти действия не были «игрой в одни ворота». Регионы также оказывали существенное влияние на политику федерального центра, и тогда адаптировать-ся приходилось уже последнему. В постсоветской политической практике отношения по линии «центр – регионы» прошли несколько этапов. Каждому из них соответствовали модели политики федерального центра и поведения региональных элит. В рамках научного проекта РФФИ (№ 17-46-680457) мы моде-лируем эти процессы. Эвристический потенциал подхода я представляю сегодня на суд коллег. Сразу замечу, что сам подход тесно связан с тематикой се-годняшнего круглого стола.

На этапе децентрализации (1991–1997 гг.) одно-временно произошли ослабление центра и значитель-ное усиление веса и влияния региональных кланов. Это была последовательная, объективно обусловлен-ная, идейно обоснованная и подпитываемая изнутри регионализация российской политики. Страна балан-сировала на грани распада. Линии централизации (отказ от «учредительных выборов», «исполнитель-ная вертикаль», контроль центром губернаторов, губернаторами – глав администраций субрегионов и региональных законодательных собраний, полпреда-ми – губернаторов, строительство «партий власти» с губернаторами во главе) оказались существенно слабее линий регионализации. К ним мы относим «парад суверенитетов», «самопровозглашения», от-деление Чечни, учреждение президентства в респу-бликах, областничество, закрепление договорной федерации, асимметрия территорий, формирование в регионах моноцентричной системы власти с губер-наторами во главе, свертывание местного самоуправ-ления, конфликты федеральных органов власти, создание межрегиональных ассоциаций экономиче-ского взаимодействия и некоторые другие факторы.

С переходом к повсеместному избранию губернаторов в 1995–1996 гг. последние обрели новую легитимность и сформировали мощнейшие кланы. Как результат – сложилась модель, при которой центр делился полномочиями, шел на уступки регионам в обмен на политическую лояльность их руководителей.

На этапе начальной рецентрализации (1997–1999 гг.) – первой фазе перехода от децентрализации к централизации с постепенным укреплением позиций центра, федеральных элит и определением ключевых векторов развития региональной политики – ключевая функция в принятии решений все в большей степени переходила от сообществ регионов к федеральному центру. Механизм – создание противовесов усилившимся губернаторам и региональным кланам. Из линий регионализации осталась, по сути, одна: позиция Б. Н. Ельцина, считавшего губернаторов своей главной опорой. При этом даже эта линия имела издержки из-за явной слабости президента. Линии централизации при этом получали импульс развития. Опора на полпредов и МСУ как ограничителей губернаторов «сверху» и «снизу», поддержка мэров в конфликтах «губернатор – мэр региональной столицы», свертывание договорной практики разграничения полномочий между центром и регионами, подчинение центром межрегиональных ассоциаций, формирование в правительстве полноценного «регионального блока» – ключевые линии федеральной политики этого периода.

На этапе рецентрализации (2000–2008 гг.) государственная власть пресекла регионализацию российской политики, а организационными и политико-правовыми решениями укрепила позиции федерального центра. Линия регионализации вновь представлена созданием Госсовета – последнего оплота губернаторов и президентов республик. Но влиять на процесс принятия политических решений на федеральном уровне Госсовет не мог. Жестко доминировали линии централизации: консолидация федеральной элиты вокруг В. В. Путина, демонтаж «договорной» федерации, оттачивание механизмов функционирования региональной власти, усиление институтов федерального контроля над регионами, отмена губернаторских выборов, запрет избирательных блоков и введение «пропорционального сегмента» выборов в законодательные собрания (далее – ЗС), персональная ответственность губернаторов за электоральные результаты «Единой России», реформа Совета Федерации с уходом из него губернаторов и председателей ЗС. Итогом такой модели «центр – регион» стало значительное смещение баланса сил в пользу федерального центра. Влияние регионов на федеральном уровне свелось к минимуму.

Этап централизации (2008–2018 гг.) полностью завершил предыдущую линию. Несмотря на введение

в ходе его выборности глав регионов, сама процедура стала скорее способом подбора губернаторов федеральным центром. Линия регионализации фактически отсутствовала. Развивалась только централизация: значительное повышение роли политических партий, запрет именовать глав субъектов федерации президентами, приведение конституций и уставов республик в соответствие с законом, устранение в 2017 г. пресловутой асимметрии, волна отставок губернаторов в 2016–2018 гг. (вместо губернаторов-местных – губернаторы-варяги), изменение формы установления первых лиц районно-городского звена, минувшая их прямые выборы населением.

Таким образом, адаптировавшись к требованиям регионов в 1990 гг., центр, попеременно ослабляя и усиливая свое влияние, постепенно полностью восстановил управляемость регионами. При этом была сохранена дееспособность и легитимность региональных властей. На следующих этапах адаптироваться приходилось и приходится сейчас регионам. Возникла жесткая система контроля администрации президента над губернаторами, губернаторов и «партии власти» над региональными ЗС, главами субъектов, локальными сообществами. Федеральные реформы, регулирующие центр-периферийные отношения, всю постсоветскую историю представляли собой колебание маятника. «Федеральный маятник», на мой взгляд, демонстрирует и вполне определенный запас адаптационной прочности регионов.

Слатинов В. Б. Я хотел бы обратить внимание на режимные характеристики политических систем Центрального Черноземья. В последние годы в отечественной политической науке все чаще используется концепт неопатримониализма. Последний приобрел значительную популярность при анализе режимных характеристик политических систем. С точки зрения ряда известных авторов, современному российскому политическому режиму и связанной с ним системе политико-административного управления присущи явные неопатримониальные черты: порядок политических, управленческих взаимодействий, ресурсного распределения и присвоения ренты таков, что государство в значительной мере управляется как патримониум правящих групп, которые фактически используют свой публичный статус, а также связанные с ним общественные функции в качестве источника собственных доходов [13].

Патримониальные режимы и присущие им институты, как известно, являются естественной характеристикой традиционного общества [14]. В ходе последующей исторической эволюции потребность в мобилизации общественных ресурсов заставляет действовать в логике бюрократизации (в «веберовском» смысле слова), т. е. вытеснять принцип патримониализма из политических, экономических, ста-

тусных отношений, заменяя его рациональностью – системой безличных правил и процедур, реализуемых компетентным аппаратом управления, рекрутируемым на основе оценки профессиональных качеств претендентов и осуществляющим свои функции на долгосрочной основе. Однако победа бюрократических начал никогда не бывает полной и гарантированной на неопределенный период. Всякий раз, когда в силу определенных структурных или ситуационных причин бюрократический контроль ослабевает – ренимируется комплекс патримониальных отношений.

Таким образом, патримония выступает антитезой бюрократии, она всегда возрождается и усиливается при ослаблении современного государства и его формальных правил и институтов. Сердцевиной патримонии является сеть клиентарно-патронажных отношений, мощь и неистребимость которых хорошо демонстрируют системы управления как развитых государств, так и (в особенности) государственных систем, находящихся в процессе модернизации [15].

Бюрократизированные системы, являющиеся неотъемлемой чертой современной государственности, а также крупных компаний, профессиональных сообществ и иных общественных институтов стремятся утвердить свои принципы по четырем базовым линиям:

1) занятие властных позиций согласно безличным правилам со строгой регламентацией полномочий органов власти;

2) строго регламентированное применение насилия, проникновение государственной регламентации в сферу контроля над использованием силовых ресурсов, поддержание государственной монополии на использование силы;

3) детерминация статуса через систему рангов и званий, ролевых позиций, занятие которых основано на формальных критериях;

4) материальное обеспечение поступает исключительно через официальные бюрократические каналы и должно прямо соответствовать занимаемой позиции в иерархии.

Когда в силу действия структурных либо процедурных факторов принципы бюрократической организации ослабевают, заинтересованные акторы (лидеры, группы интересов) ищут и находят альтернативные («боковые») пути укрепления своих позиций по четырем вышеуказанным сюжетам. Накопление у акторов преимуществ в организационных, силовых и символических ресурсах в условиях упадка рациональной организации государственной системы позволяет им выстраивать неформальные отношения в свою пользу, ориентироваться на отношения личной лояльности и обмен услугами, что приводит к формированию клиентарно-патронажных практик. Иначе говоря, в противоположность бюрократической

рационализации патримониальные практики ведут к прогрессирующей персонализации отношений.

Персоналистские сети представляют собой эффективный механизм извлечения ренты из политико-административного статуса, а также инструмент «захвата» публичных властных полномочий [16]. Сети элитарных коалиций правящих групп, образующих в патрон-клиентной логике политическое ядро, концентрируют политические, экономические и символические ресурсы власти, одновременно закрывая другим акторам (группам и слоям) доступ к этим ресурсам и позициям контроля над ними. Государственная система в такой логике превращается в патримониум правящих групп, используется ими преимущественно в собственных интересах, однако неформальное ядро, действующее в логике патрон-клиентных отношений, не может целиком игнорировать публичную природу государства, поэтому возникает симбиоз неопатримониального «ядра» с формальными институтами, которые служат как его легитимирующим фактором, так и инструментом его политических и управленческих стратегий [15]. Соотношение формальных и неформальных институтов и практик в таких системах обусловлено различными факторами структурного и процедурного характера. Тем не менее для реализации стратегии экономического роста и модернизации, являющихся при определенных обстоятельствах важными для правящих сетевых коалиций, в рамках управленческой системы происходит неизбежное усиление формальных институтов (рационализация), при этом действия доминирующих акторов направлены на поддержание «смешанного равновесия» (гибридности), сохраняющего неопатримониальное «ядро».

Не случайно ряд исследователей указывают на то, что неопатримониализм плохо совместим с консолидированной демократией (если неопатримониальные практики там и сохраняются, то в крайне ограниченных рамках), а наиболее приемлемым для него являются гибридные режимы – авторитарные политико-административные системы, имитирующие демократические институты и практики [13].

Принципиально значимым является вопрос о роли неопатримониализма в условиях социально-экономической модернизации, т. е. о соотношении патримониальных и рациональных начал в переходных политико-управленческих системах. К. Легг и Р. Лемаршан первоначально различали две формы патримониализма: традиционный вариант, в котором клиентарные отношения пронизывают всю политическую систему в целом, и модернизированный вариант, в котором патримониальные черты сосуществуют с зарождающимися рационально-легальными тенденциями. Авторы также говорят об «индустриальной клиентарной системе», они признают, что в действительности

нельзя утверждать, что в современных индустриальных обществах политика в точности соответствует идеалу рационально-легальных бюрократий [14]. Таким образом, речь идет о гибридных формах институциональной организации, в которых переплетаются патримониальные и рациональные черты.

Патримониализм и присущие ему патрон-клиентарные отношения в переходных политико-экономических системах – средства кооптации, контроля, обеспечения доверия. В определенных сочетаниях с «частичной рационализацией» управленческих отношений (и, соответственно, «частичной профессионализацией» кадров аппарата управления) неопатримониальные (точнее – гибридные) системы демонстрируют способность к развитию. Региональные практики социально-экономического и политического развития областей Центрального Черноземья (Белгородская, Воронежская, Липецкая области – в ярко выраженном формате; в меньшей мере, но в рамках тренда – Курская, Тамбовская) указывают на принципиальную возможность такого сценария.

Для указанных регионов в качестве ключевых характеристик режимов политико-административного управления можно выделить следующее:

- губернаторский моноцентризм и наличие отстроенной региональной «вертикали власти», подчинение местных элит доминирующему актору;

- губернаторская команда, построенная по принципу неопатримониального «ядра»;

- ориентация доминирующего актора на «развитие» и «общественное благо» – указанная мотивация обусловлена различными факторами и обстоятельствами, среди которых советская ментальность, патриотизм (в том числе так называемый «местный»), ощущение особой миссии (уже отмеченной – «местно-патриотической» – Белгородская, Курская, Тамбовская области; или связанной с желанием доказать состоятельность не только как федерального чиновника, но и регионального лидера – Воронежская область);

- формирование пула клиентел и зависимых групп и структур (на основе сочетания оценки доминирующим актором их лояльности и эффективности), наделение их ресурсами и встраивание в современные подходы к управлению (институты развития, программно-целевой и проектный подходы и прочее);

- «частичная рационализация и профессионализация» государственной службы и кадровой политики – сочетание клиентарных зависимостей с элементами меритократического отбора, оценки эффективности, обучением и профессиональным развитием. Без указанных технологий невозможно решение задач развития, а также формирование и функционирование его институтов. «Частичную профессионализацию»

также обеспечивает внедрение современных технологий управления и коммуникации, профессионально-квалификационных требований по замещению должностей, образовательная подготовка;

- долгое пребывание доминирующего актора у власти создает, как ни парадоксально, стабильность правил игры и возможность различным игрокам выстраивать долгосрочные стратегии в регионе. При этом задачи развития в условиях несменяемости власти требуют формирования механизма ротации элит и кадров государственных и муниципальных служащих. Доминирование патрон-клиентных отношений препятствует институционализации такого механизма, однако ротация все равно производится как способ ситуативного реагирования на возникающие вызовы, управленческие потребности и проблемы. Задачи развития и совершенствование профессиональных требований к управлению требуют усиления «технократизации» кадровой политики, повышения значимости в ней профессиональных компетенций. Доминирующим трендом в кадровых решениях становится попытка сочетания требований личной лояльности и компетентности, что ведет к усилению рациональных начал, хотя сохраняет доминирующую логику патрон-клиентных отношений, особенно на верхних этажах политико-управленческой иерархии.

Дальнейшие перспективы эволюции гибридных политико-управленческих систем, сочетающих наличие ориентированного на социально-экономическое развитие неопатримониального «ядра» с элементами рациональной бюрократии в решающей мере зависят от скорости и направленности изменений качественных характеристик социальной системы. Формирование в ней новых игроков, ориентированных на изменение сложившихся правил в сторону обеспечения верховенства закона, ликвидацию монополии правящих коалиций на принятие ключевых решений, а также рентоизвлечение, укрепление гражданских структур, ставящих целью обеспечение общественного контроля и подотчетности органов публичной власти способно ускорить процесс движения политико-управленческой конструкции в сторону рационализации [17]. Однако, как показывает практика, поддержание «смешанного равновесия» (гибридности) при проведении «частичных реформ» оказывается весьма эффективным ответом неопатримониализма на потребность в модернизации.

Романовский А. А. В. Б. Слатинов уже обратил внимание на необходимость более пристального внимания к проблематике местного самоуправления. При анализе адаптационного потенциала региональных политических систем также представляет интерес специфика взаимодействия органов государствен-

ной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, которая имеет место в исследуемых регионах.

В настоящее время в Воронежской области действуют 479 муниципальных образований: 31 муниципальный район, 3 городских округа, 28 городских и 417 сельских поселений.

Следует отметить, что основные контуры институционального дизайна сложившейся к данному моменту в регионе системы местного самоуправления были обусловлены политикой А. В. Гордеева, который находился в должности губернатора Воронежской области в 2009–2017 гг. При предыдущем руководителе региона в ряде муниципалитетов наблюдалось открытое противостояние между главой района и главой райадминистрации, что, в свою очередь, негативно сказывалось на их управлении, в том числе в вопросах взаимодействия с областным правительством. Стремясь решить данную проблему, А. В. Гордеев дал импульс для развития действующей сегодня системы, показавшей себя вполне работоспособной. В большинстве муниципалитетов была закреплена практика, когда глава муниципального района (городского округа), избранный из числа депутатов, исполняет полномочия на непостоянной основе, а глава администрации назначается представительным органом по результатам конкурса. На сегодняшний день на уровне муниципальных районов такая система установлена в 23 случаях из 31. Еще 7 районов с учетом последних изменений федерального законодательства перешли к модели «усиленного сити-менеджера», где глава муниципального образования избирается по конкурсу, и он же возглавляет местную администрацию. Помимо устранения «двоевластия», можно выделить и другие основные особенности, характеризующие взаимодействие региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления в Воронежской области:

1) участие глав администраций муниципальных районов и городских округов в заседаниях правительства области с последующей ротацией, в том числе главы Воронежа – на постоянной основе;

2) ежеквартальное проведение выездных заседаний правительства области в разных районах с рассмотрением проектов по решению конкретных проблем данных муниципалитетов и развитием их инфраструктуры;

3) внедрение в практику ежегодных обучающих семинаров для всех глав районных администраций с привлечением руководителей органов государственной власти региона;

4) введение практики назначения кураторами районов руководителей исполнительных органов государственной власти региона;

5) установление сквозной системы соглашений о достижении показателей эффективности между правительством области и районными администрациями;

6) ежегодное проведение социологических исследований о ситуации в муниципалитетах, результаты которых используются при принятии управленческих решений, в том числе кадровых;

7) проведение комплексной оценки с последующим рейтингованием органов местного самоуправления по экономическим и социальным показателям, уровню развития гражданского общества, делового климата и инвестиционной привлекательности, ежегодное заслушивание глав администраций районов и райцентров в правительстве области.

Анализ показывает, что в Воронежской области сложилась специфическая и действенная модель взаимодействия региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления, которая может быть учтена при анализе адаптационного потенциала региональных политических систем.

Пеньков В. Ф. Полагаю, что научным коллективом выбрана весьма актуальная тема для комплексного политологического исследования. Что ценно, взяв региональный аспект, аналитики, судя по всему, намерены не только раскрыть значимую научно-прикладную проблему, но и провести компаративный анализ специфики ряда регионов, входящих в Центральное Черноземье, что позволит выйти на значимые обобщения.

Учитывая, что при представлении концепции и методологии исследования воронежские коллеги неоднократно затрагивали тему рисков, считаю возможным свое сообщение посвятить именно этому сегменту проблемного поля.

Для начала представим наше видение возможной классификации рисков, которые в конечном счете воздействуют на политический модуль.

Во-первых, экономические риски. Не секрет, что сегодня структура производства в ряде российских регионов формируется под воздействием ряда факторов, в том числе «экономико-антропогенных». Поясню: зачастую инвесторы направляют свои ресурсы, исходя не только из финансово-экономических, но и личностных предпочтений. Уровень взаимодействия конечных бенефициаров, к примеру, с губернаторами, другими влиятельными представителями местных элит зачастую (наряду с прочими факторами) определяет экономический вектор, гарантирующий получение прибыли. При смене знаковых фигур в руководстве того или иного региона могут возникать (и возникают) коммуникационные издержки, ведущие в ряде случаев к ослаблению инвестиционной активности и снижению экономической активности «пришлых интересантов».

Здесь надо иметь в виду, что, к примеру, вхождение в ряд регионов Черноземья крупных аграрных холдингов постепенно, но неизбежно приводит к затуханию экономической активности местных производителей аналогичного профиля, пересмотру стоимости трудовых ресурсов. А установление особых зооветеринарных «норм поведения» для хозяйственных подворий в конечном итоге означает изменение структуры производства в сфере АПК.

Подчеркнем, что речь в данном случае идет не о механизмах конкурентной борьбы на свободном рынке, а о значимости «гешефтов с властью» при продвижении корпоративных экономических интересов, что и влечет за собой вполне определенные риски.

В этой ситуации есть и плюсы: приход мощного инвестора ведет к наращиванию налогооблагаемой базы. Но нет плюса без минуса. Этот процесс порождает избирательность региональных властей по отношению к тем хозяйствующим субъектам, которые более привлекательны для бюджета. Здесь возникают в ряде случаев «побочные эффекты». Применительно к АПК – экологического толка. Если обратиться к практике «Мираторга», «Тамбовского бекона» и ряда других холдингов, то мы найдем немало подтверждений.

Во-вторых, социально-демографические риски. Это позиция примыкает к экономическим индикаторам, поскольку затрагивает структуру трудовых ресурсов, сферу занятости, качество жизни различных категорий населения и все то, что Ж. Т. Тощенко определял термином «социальные настроения». Процессы старения населения, отток из региона в мегаполисы молодой и квалифицированной рабочей силы, помноженные на нехватку кадров в сфере здравоохранения, среднего образования и социальной защиты, понижают социальный тонус людей, порождают настроения фрустрации у части граждан, что ведет к формированию социальной апатии, деструктивных типов политических субкультур. Регионы Черноземья, по нашим оценкам, пребывают в затянувшемся периоде аксиологической многоукладности, следствием чего становится формирование агрессивных моделей социального поведения и образцов политического действия. По сути, речь может идти о рисках ценностного толка.

В-третьих, кадровые риски. Наблюдение за формированием властных элит наталкивает на вывод о том, что система «вращения» политико-управленческих кадров несовершенна. Формирование руководящего звена в регионах ведется либо за счет «выдвиженцев Президента», либо за счет «внутреннего компромисса» по оси «центр – регион». Аналогично выглядит ситуация и на субрегиональном уровне. К примеру, вынужденные отставки глав Тамбова и Мичуринска с явным криминальным оттенком подтверждают наше предположение о том, что «скамей-

ка запасных» формируется партией власти без должной проработки. Есть и еще один фактор риска. Основные фигуры региональной политики находятся в положении между молотом и наковальней, маневрируя в рамках реализации установок центра и учета запросов электората.

Наблюдения за ситуацией в Центральном Черноземье позволяют сделать вывод о том, что значительная часть политического кадрового состава, составляющего местные элиты, не в полной мере владеет коммуникативными технологиями. В условиях кризисных явлений в экономике и социальной сфере востребованным становится метод «оправдательной риторики», когда принятию непопулярных, но вынужденных мер не предшествует «информационная предатака». Так было и при монетизации льгот, и сегодня при обсуждении так называемой пенсионной реформы.

В завершение подчеркнем, что исследование воронежских коллег даст возможность глубже понять механизмы адаптации политических практик к вызовам времени, политического управления с учетом кризисных ситуаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шэне М. Перманентный кризис : рост финансовой аристократии и поражение демократии / М. Шэне ; пер. с фр. М. Маяцкого, А. Шаргородского ; под науч. ред. М. Мацкого. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 144 с.
2. Эшби У. Р. Введение в кибернетику / У. Р. Эшби ; пер. с англ. Д. Г. Лахути, под ред. В. А. Успенского. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. – 432 с.
3. Eidelson R. J. Complex Adaptive Systems in the Behavioral and Social Sciences / R. J. Eidelson // Review of General Psychology. – 1997. – Vol. 1, № 1. – P. 42–71.
4. Сиденко О. А. Институциональное предпринимательство в англоязычной литературе : обзор публикаций / О. А. Сиденко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2012. – № 1. – С. 155–159.
5. Митраков А. А. Подходы к построению систем агентного моделирования / А. А. Митраков. – Режим доступа: <http://simulation.su/uploads/files/default/incomplete-mitrakov.pdf>
6. Nava Guerrero G. d. C. A recent overview of the integration of System Dynamics and Agent-based Modelling and Simulation / G. d. C. Nava Guerrero, Ph. Scharz, J. H. Slinger // System dynamics. – 2016. – March 22. – Mode of access: <https://www.systemdynamics.org/assets/conferences/2016/proceed/papers/P1153.pdf>
7. Шабанова М. А. Добровольные и вынужденные адаптации / М. А. Шабанова // Свободная мысль. – 1998. – № 1. – С. 34–45.
8. Giddens A. The Consequences of Modernity / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1990. – 150 p.

9. Beck U. Risk Society Toward a New Modernity / U. Beck. – L. : Sage Publication, 1992. – 260 p.

10. Распределение предприятий и организаций по организационно-правовым формам. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.ru/view/0/>

11. О деятельности некоммерческих организаций // Информационный портал Министерства Российской Федерации. – Режим доступа: <http://unro.minjust.ru/NKOS.aspx>

12. Громова Т. Н. Оценка влияния НКО на региональную власть : методика расчета показателей / Т. Н. Громова // Теория и практика развития институтов гражданского общества в Самарской области : материалы Первой региональной научно-практической конференции. Самарская региональная общественная организация «Историко-эко-культурная ассоциация «Поволжье». – Самара, 2015. – С. 138–148.

13. Розов Н. С. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма / Н. С. Розов // Политические исследования. – 2015. – № 6. – С. 157–173.

14. Фукуяма Ф. Сильное государство : управление и мировой порядок в XXI веке / Ф. Фукуяма. – М., 2007. – 220 с.

15. Фисун А. А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация / А. А. Фисун // Политическая концептология. – 2010. – № 4. – С. 158–187.

16. Соловьев А. И. Сетевая архитектура государственного управления и сетевая этика элиты как источники политической стагнации России / А. И. Соловьев // Социально-политическая трансформация современной России : поиск модели устойчивого развития : сб. статей / Ин-т «Справедливый мир», Российская ассоциация политической науки, Ин-т социологии РАН ; [редкол.: Л. И. Никовская, В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец]. – М., 2015. – С. 96–100.

17. Слатинов В. Б. Стратегия реформирования государственного управления в современной России : сфера влияния против способностей государства / В. Б. Слатинов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2010. – № 1. – С. 97–103.

Воронежский государственный университет

Глухова А. В., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии

E-mail: avglukhova@mail.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Voronezh State University

Glukhova A. V., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Political Science

E-mail: avglukhova@mail.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43

Романовский А. А., кандидат политических наук, советник экспертно-аналитического отдела управления региональной политики правительства Воронежской области, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: aromanovskij@govvrn.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Romanovsky A. A., Candidate of Political Sciences, Expert Advisor in Management of Regional Government Policy Voronezh Region, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science

E-mail: aromanovskij@govvrn.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43

Савенков Р. В., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: rvsaven@gmail.com

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Savenkov R. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science

E-mail: rvsaven@gmail.com

Tel.: 8 (473) 221-27-43

Сиденко О. А., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Sidenko O. A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology of Political Science

E-mail: sidenko-olga13@rambler.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43

Черникова В. В., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: victoriacher@list.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Chernikova V. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science

E-mail: victoriacher@list.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43

Щеглова Д. В., кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии

E-mail: bruenen@mail.ru

Тел.: 8 (473) 221-27-43

Shcheglova D. V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology of Political Science

E-mail: bruenen@mail.ru

Tel.: 8 (473) 221-27-43

*Тамбовский государственный университет имени
Г. Р. Державина*

*Жуков Д. С., кандидат исторических наук, доцент
кафедры международных отношений и политологии
E-mail: ineternatum@mail.ru
Тел.: 8-910-659-88-08*

*Сельцер Д. Г., доктор политических наук, профессор
кафедры международных отношений и политологии*

*E-mail: seltser@yandex.ru
Тел.: 8 (4752) 72-34-40*

*Тамбовский государственный технический универ-
ситет*

*Пеньков В. Ф., доктор политических наук, профессор
кафедры «Связи с общественностью»
E-mail: pyf68@mail.ru
Тел.: 8 (4752) 63-10-19*

Курский государственный университет

*Слатинов В. Б., доктор политических наук, заведу-
ющий кафедрой государственного и муниципального
управления*

*E-mail: slatinov@yandex.ru
Тел.: 8-919-272-01-28*

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin
Zhukov D. S., Candidate of Historical Sciences, Associ-
ate Professor of the Department of International Relations
and Political Science*

*E-mail: ineternatum@mail.ru
Tel.: 8-910-659-88-08*

*Selzer D. G., Doctor of Political Sciences, Professor of
the Department of International Relations and Political
Science*

*E-mail: seltser@yandex.ru
Tel.: 8 (4752) 72-34-40*

*Tambov State Technical University
Penkov V. F., Doctor of Political Sciences, Professor of
the Department «Public Relations»*

*E-mail: pyf68@mail.ru
Tel.: 8 (4752) 63-10-19*

*Kursk State University
Slatinov V. B., Doctor of Political Sciences, Head of the
Department of State and Municipal Management*

*E-mail: slatinov@yandex.ru
Tel.: 8-919-272-01-28*